

МУЛЬТИЛИНГВИЗМ КАК ПРИНЦИП СУДА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

К.Х. Рекош

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Поскольку судебная практика отражает отношения между институтами, органами и организациями ЕС и носителями языков, Суд ЕС играет огромную роль в формировании правового дискурса. Отношения между ЕС и гражданами, которые проявляются именно в Суде, служат проверкой эффективности выполнения принципа мультилингвизма. Расширение Союза до 28 государств-членов и, соответственно, увеличение числа официальных языков до 24-х затрудняет осуществление этого принципа и создаёт проблемы для Суда ЕС: правовые, лингвистические, бюджетные, переводческие.

На 24-е официальных языка в Суде переводят не все документы и не полностью, часто ограничиваясь лишь резюме. Полностью документы переводятся только на французский и процессуальные языки, ибо масштабы переводческой работы оказывают прямое влияние на сроки судопроизводства. Для обеспечения письменных переводов в Суде проводится большая работа по составлению словарей-тезаурусов, где мультилингвизм проявляется в полной мере.

По вопросам использования языков и языкового режима существует обширная судебная практика, однако термин «мультилингвизм» Судом не используется, несмотря на признание принципа равенства всех официальных языков, может быть, из-за того, что сам Суд не всегда его исполняет. Мультилингвизм как правовой концепт и принцип открывает новые, иногда смежные с уже выделенными объектами регулирования, сферы для правовых исследований. Сравнение юридических решений проблем многоязычия в разных государствах с множеством языков и правопорядков или в международных организациях закладывает основы «сравнительного лингвистического права».

Пока в доктрине права Европейского союза ни лингвистическое право, ни сравнительное лингвистическое право не выделены. Однако для улучшения сотрудничества в сфере правосудия и взаимного признания судебных решений на основе принципа мультилингвизма в 2010 г. принята Директива о праве на устный и письменный перевод в рамках уголовного судопроизводства, посвящённая проблеме «Языки и права человека».

Ключевые слова: Принцип мультилингвизма, рабочие языки, процессуальный язык, *lingua franca*, Globish, bruxellish, второй иностранный язык, язык, используемый в совещательной комнате судей, монолингвизм, лингвистическое право.

Слингвистической точки зрения высказывание «мультилингвизм как принцип» имеет право на существование, ибо термин мультилингвизм фигурирует в актах, документах и иных дискурсах Европы. С юридической точки зрения признание мультилингвизма концептом, категорией или даже принципом конкретной правовой системы требует специального изучения.

В последние десятилетия термины плюрилингвизм (*plurilinguisme*) и мультилингвизм (*multilinguisme*) используются активно и даже получают институциональное закрепление. По мере развития деятельности, связанной с множественностью языков, формировалось размежевание указанных терминов, несмотря на близость их значений. Многоязычие человека – это плюрилингвизм, многоязычие общества – мультилингвизм. Европейский союз – мультилингвистическая организация. Термином мультилингвизм обозначается политика равенства языков в организации, порождающая множество лингво-юридических проблем в связи (среди прочего) с вербализацией всех сфер нашей жизни с помощью языков, а также с различием их статусов.

Процессуальными регламентами Суда Европейского союза (ст. 29–31), Суда общей юрисдикции (ст. 35–37) и Суда по делам гражданской службы (ст. 29) регулируются языковой режим и порядок назначения процессуального языка (*langue de procédure*).

Подходы Суда ЕС, институтов и органов ЕС к проблеме использования языков не совпадают. Прежде всего в Суде ЕС (во всех трёх судебных инстанциях) используется только один рабочий язык – французский, теперь он называется *langue de délibéré* (язык, используемый в совещательной комнате судей). Это означает, что все акты, решения и определения, принимаемые в Суде, в обязательном порядке переводятся на французский язык.

Такое положение дел, как было указано выше, объясняется историей вопроса. Когда в 1952 г. был создан Суд Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), французский язык был государственным языком трёх из шести государств-членов: Бельгии, Люксембурга и Франции. Думается, что важным фактором избрания французского языка в качестве рабочего было также и то, что французский язык был языком континентального права. Следует отметить, что в западной традиции права он признан идеальным средством выражения правовой мысли.

Роль французского языка в качестве рабочего языка заметна и сегодня: даже говоря на английском языке, специалисты в Суде ЕС используют французские термины: *acquis juge-garporteur*, *avocat général*, *juriste-linguiste* и т.д. Знание французского языка (хотя бы пассивное) является обязательным требованием для всех сотрудников секретариата Суда.

Кроме французского языка (как единствен-

ного языка, используемого судьями в совещательной комнате), в Суде ЕС используют так называемые процессуальные языки (*langues de procédure*), то есть языки судопроизводства, на которых проходит судебное заседание, подаются заявления участников процесса, составляются иные документы, запросы в преюдициальном порядке и ответы судебных учреждений ЕС.

На процессуальные языки переводятся все ответы Суда лицу, подавшему запрос или иск. Это соответствует положению Договора о функционировании Европейского союза, который гласит, что любое лицо может в письменном виде обратиться в любой институт или орган ЕС на одном из официальных языков, предусмотренных в ст. 55, и получить ответ на том же языке.

Несмотря на провозглашённое равенство официальных языков ЕС, все вместе они используются далеко не всегда. Чаще всего коммуникация осуществляется с помощью двух языков (английского и французского), трёх (английского, немецкого, французского) или пяти языков (английского, испанского, итальянского, немецкого, французского). Всё это, вместе с распределением в Суде ЕС всех языков на пилотные и остальные, свидетельствует об установлении между ними некоторой иерархии.

Если раньше все документы Суда ЕС переводились на все официальные языки ЕС, то теперь, в связи с расширением ЕС и, соответственно, увеличением числа официальных языков, ситуация усложнилась. Когда в 1952 г. в составе ЕОУС было 6 государств-членов и 4 языка, для обеспечения перевода всех документов использовали 12 комбинаций языков. В связи со вступлением новых членов, в 1973 г. число комбинаций стало равно 30, в 1981 г. – 42, в 1986 г. – 72, в 1992 г. – 110, в 2004 г. – 380. В 2007 г. с присоединением Румынии и Болгарии и признанием 22 официальных языков + ирландский, перевод на 23 языка предполагал 506 комбинаций. И это не предел. Когда в июле 2013 г. в ЕС вступила Хорватия, в нём стало 24 языка, а количество комбинаций увеличилось до 552.

До 2004 г. использовался прямой перевод на 11 языков, перед последним большим расширением ЕС на все языки были переведены 50 решений Суда ЕС и 7 решений Суда общей юрисдикции. Теперь же прямой перевод всех документов невозможен, поэтому перешли к смешанной системе перевода: избраны 4 ведущих (*пилотных*) языка (*langues-pivots*) самых крупных государств-членов: немецкий, английский, испанский, итальянский + французский (*рабочий*) язык, на которые осуществляется прямой перевод. С этих языков переводят на все остальные языки, которые распределяются между первыми четырьмя группами:

- с немецким объединены польский и эстонский, финский/фламандский + болгарский и турецкий;

- с английским – чешский и литовский,

шведский/датский;

– с испанским – венгерский и латышский, португальский + хорватский;

– с итальянским – словацкий и словенский, греческий + румынский.

С лингвистической точки зрения распределение представленных языков вызывает большие трудности, ибо названные языки принадлежат не только к разным семьям языков, но и к разным группам. Однако отнесение языков к той или иной группе объясняется не лингвистическими и не правовыми соображениями. Так, например, хотя Турция не является членом ЕС, из-за проблем Кипра турецкий язык отнесён к немецкому языку, а также потому, что в Германии много турок, а значит, специалистов, владеющих обоими языками как родными. Это относится и к словенскому языку, который отнесён к итальянскому языку, так как в Италии есть провинция, где говорят на этом языке.

В каждой из четырёх секций работают по 25–30 юристов-лингвистов, во французской секции работают 60 переводчиков, ибо на французский язык переводится всё. Следует иметь в виду, что в секциях работают не переводчики, а юристы-лингвисты (*дипломированные специалисты в области права со знанием не менее двух языков, кроме родного*), при этом диплом переводчика не требуется.

Допускается пассивное знание иностранных языков, так как перевод делается только на родной язык. Понятие «родной язык» предполагает также и то, что на этом языке юрист-лингвист изучал право. В Суде ЕС поощряется изучение и других официальных языков на языковых курсах. Всего в секретариате Суда работают около 2000 человек, из них почти 50% юристов-лингвистов, обеспечивающих письменный перевод.

Расширение Союза до 28 государств-членов и, соответственно, увеличение числа официальных языков затрудняет осуществление принципа мультилингвизма. После последнего расширения ЕС и, соответственно, увеличения количества официальных языков значительно возрос объём переводческой работы, осуществляемой Главными управлениями письменного и устного перевода (*Direction générale de traduction u Direction générale d'interprétation*). Ежегодно он увеличивается на 6,5%, и теперь в Суде ежегодно переводится 1 млн страниц.

В связи с юридической специализацией перевод на родной язык осуществляют юристы-лингвисты, имеющие специальное юридическое образование. Об этом читаем в ст. 42 Процессуального регламента Суда. Следует отметить, что в Совете, Комиссии и Парламенте имеются коллегии юристов-лингвистов, которые проверяют документы с юридической точки зрения.

25% всего объёма текстов переводят на под-
рядной основе внешние специалисты. Суд стре-

мится сократить эти огромные объёмы работы. Так, начиная с Ниццкого договора (2001 г.), Суд имеет право не назначать генерального адвоката по делам, в которых не ставится новых вопросов права. Это значит, что заключения генерального адвоката переводить не надо (ст. 252 ДФЕС предусматривает восемь генеральных адвокатов, число которых по просьбе Суда может быть увеличено единогласным решением Совета).

Суд ЕС и Суд общей юрисдикции избирательно относятся к решениям, которые должны публиковаться, а значит, и переводиться на все языки. Что касается запросов в преюдициальном порядке, если объём дела превышает 25 страниц, то делается лишь резюме, а не перевод, если этого не требует характер дела. На 24 официальных языка теперь переводят, таким образом, не все документы и не полностью, часто ограничиваясь лишь резюме. Полностью документы переводятся только на французский и процессуальные языки, ибо масштабы переводческой работы оказывают прямое влияние на сроки судопроизводства.

По вопросам использования языков и языкового режима существует обширная судебная практика, однако термин «мультилингвизм» Судом не используется. Так, в деле «Пьяжем I» от 18 июня 1991 г. (C-369/89 du 18 juin 1991 arrêt dit Piageme I) на запрос в преюдициальном порядке, поданный судом города Лувен (Бельгия) с целью получить толкование ст. 30 Договора о ЕЭС и ст. 14 Директивы 79/112 Совета ЕЭС от 18 декабря 1978 г., касающейся сближения законодательств государств-членов относительно составления этикеток и маркировки пищевых продуктов для конечного потребителя и рекламы для них, Суд ответил следующее: указанные статьи «противоречат тому, чтобы национальное регулирование навязывало использование только определённого языка на этикетках пищевых продуктов, не предусмотрев возможности использования какого-либо иного легко понятного для потребителя языка или обеспечения информирования потребителя другими способами».

Дело Колен от 3 июня 1999 г. (C-33/97 du 3 juin 1999 arrêt Colim) (запрос в преюдициальном порядке) идёт в том же русле: обязанность использовать язык региона при маркировке товара на рынке не является «технической нормой» по смыслу Директивы 83/189 Совета ЕЭС от 28 марта 1983 г. с изменениями.

При отсутствии гармонизации относительно импортируемой продукции государства-члены могут принимать национальные меры, třeba, чтобы маркировка была сделана на языке импортируемого товара и на легко понятном для потребителей региона языке, при условии, что такие национальные меры будут применяться ко всем товарам и будут соответствовать цели защиты потребителей. Эти национальные меры должны сводиться к упоминаниям, имеющим обязательный характер, причём использование других мер, кроме их перевода, не может обес-

печить соответствующего информирования потребителей.

С данными делами перекликается дело, касающееся французского языка. В Обзорах судебной практики, издаваемых Судом ЕС только на французском языке, представлено дело, касающееся французского закона об использовании французского языка от 4 августа 1994 г. (так называемый «закон Тубона»). Как пишет Н.М. Сланевская в статье «Языковая политика в США, Канаде, Швейцарии, Франции, Испании и Бельгии», «стратегическая задача противостояния французского языка английскому заставила правительство внести новое положение в Конституцию о французском языке на территории Франции перед подписанием Маастрихтского договора» [1, с. 49]. А позднее для защиты французского языка был принят «закон Тубона». Однако требование использовать только французский язык для маркировки пищевых продуктов вызвало возражения Суда ЕС и было истолковано как ограничение свободы передвижения товаров в деле Жефруа от 12 сентября 2000 г. (Geffroy C-366/98).

Ещё одно направление решений Суда относительно языкового режима и языкового разнообразия можно проиллюстрировать на примере дела «Италия против Европейской Комиссии» (T-205/07 *Italie/Commission européenne*) от 27 марта 2007 г. Офис по отбору персонала Европейских сообществ (EPSO) поместил на сайте в Интернете объявление на немецком, английском и французском языках о наборе кандидатов для работы в европейских институтах и агентствах. Кандидаты на работу должны были иметь глубокие знания одного из официальных языков в качестве основного языка и удовлетворительное знание английского, немецкого или французского языка. Если они уже владели одним из этих трёх языков как основным, они должны были владеть одним из двух оставшихся в качестве второго языка.

4 июня 2007 г. Италия обратилась в Суд общей юрисдикции (*Tribunal*) с иском об аннулировании, считая, что в опубликованном объявлении в Интернете только на трёх языках нарушены «принципы недискриминации, пропорциональности и мультилингвизма». Суд общей юрисдикции отклонил каждый из доводов истца и, соответственно, иск об аннулировании, поэтому Италия обжаловала это решение в правовом порядке (*pourvoi*) в Суде ЕС, требуя отменить обжалуемое решение, а также отменить оспариваемые конкурсы, которые проходили только на трёх языках.

Это отражено в деле «Италии против Комиссии» от 27 ноября 2012 г. (C-566/10 du 27 novembre 2012 *Italie/Commission*). Данное дело полностью посвящено лингвистическому режиму и является обжалованием решений Суда общей юрисдикции от 13 сентября 2010 (T-166/07 и T-285/07) в Суде ЕС. Суд общей юрисдикции отклонил иск Италии об аннулировании заклю-

чений конкурсной комиссии об установлении резервного набора администраторов (АД5) в области информатики, коммуникации и СМИ. А также в отношении других резервных наборов, которые были опубликованы в «Журналь офиссьель» только в немецкой, английской и французской версиях.

В пункте «1А» заключений под рубрикой «Языковые условия» говорилось, что кандидаты должны обладать углублённым знанием одного из официальных языков Союза в качестве основного языка и удовлетворительным знанием немецкого, английского или французского языка в качестве второго языка, обязательно отличающегося от основного. Там же указывалось, что вся документация общего характера, общение между кандидатами и секретариатом будет осуществляться на немецком, английском или французском языках.

В пункте «В» указывалось, что и экзаменационные материалы будут на этих языках. То же и в отношении письменных работ. Итальянская республика оспаривала отсутствие публикаций на всех официальных языках ЕС, считая это нарушением ст. 290 Договора о Европейском сообществе, Регламента №1, а также нарушением принципов недискриминации, пропорциональности и мультилингвизма (Италия использовала именно термин «принцип мультилингвизма»).

Соответствует ли вышеуказанным принципам выбор одного из трёх языков в качестве второго языка? Ведь вплоть до июля 2005 г. постоянной практикой было опубликование заключений Комиссии на всех официальных языках. Суд общей юрисдикции по всем пунктам отклонил данный иск. Поэтому Италия обратилась в Суд ЕС, требуя аннулировать решение Суда общей юрисдикции. Признав нарушение Судом общей юрисдикции принципа недискриминации по признаку языка, Суд ЕС отменил спорное решение, удовлетворив иск Италии.

Отметим, что в данном деле Италия прямо опиралась на принцип мультилингвизма, а Суд ЕС термин «мультилингвизм» не использует. Не потому ли, как будет показано ниже, сам Суд не может полностью выполнить этот принцип? Однако, приняв указанное решение по делу, выполнив практически кассационную функцию (хотя и не называя принцип мультилингвизма), Суд ЕС фактически его признал.

Проблемы мультилингвизма регулируются также актами вторичного права и актами, не имеющими принудительной силы. Среди них директивы (Directive 83/189/CEE du 28.03.1983, Directive 88/182 du 22.03.1988 и т.д.) и резолюции, касающиеся обучения, изучения и преподавания языков, мобильности и занятости граждан, права на свободу передвижения граждан и членов их семей, а также собственно мультилингвизма: «Резолюция об управлении мультилингвизмом в Европейском парламенте после расширения ЕС», «Резолюция об использовании официальных языков в институтах Европейского Союза»

и в особенности «Резолюция Совета от 21 ноября 2008 г. о европейской стратегии в пользу мультилингвизма» [2].

Тогда же (17 ноября 2008 г.) на основе ст. 21, 290, 314 Договора о функционировании ЕС был принят «Кодекс по осуществлению мультилингвизма», который вступил в силу 1 января 2009 г. Важность европейского языкового потенциала, необходимость продвижения стратегии мультилингвизма, новых методов изучения и преподавания языков подчеркиваются многими документами [3], подтверждающими, что Европейский Союз опирается на принцип мультилингвизма, хотя юридически этот принцип не закреплён, и термин практически используется только в последние десятилетия. Представленные аспекты имеют междисциплинарный и межкультурный характер.

О гармонизации правового пространства ЕС на основе принципа мультилингвизма свидетельствует также Директива 2010/64 ЕС Европейского парламента и Совета от 20 октября 2010 г. о праве на устный и письменный перевод в рамках уголовного судопроизводства, в которой установлены общие минимальные правила для стран ЕС в рамках уголовного судопроизводства и европейского ордера на арест, что способствует улучшению сотрудничества в сфере правосудия и взаимного признания судебных решений. В Директиве устанавливаются минимальные нормы по соблюдению прав на справедливое судебное разбирательство и на защиту, гарантируемые ЕКПЧ и Хартией основных прав ЕС.

В основе правового регулирования языковой политики ЕС лежит принцип равенства официальных языков, доступности актов для граждан на всех этих языках (принцип мультилингвизма). ЕС постоянно обвиняют в дефиците демократии, в частности, в трудности для понимания его юридического языка. Решить проблему дефицита демократии можно, лишь расширив доступ к ЕС, не только с правовой точки зрения (через право на информирование и коммуникацию), но и лингвистически: повышая доступность (для понимания) актов, гармонизируя их составление, их перевод, а также правовой словарь. Отсюда повышенное внимание и требования к юридическому языку и создание руководств по составлению законодательных актов в институтах ЕС [4]. В ЕС и в Суде проводится большая работа по составлению словарей-тезаурусов, где мультилингвизм проявляется в полной мере [5].

Поскольку ЕС выступает за культурное разнообразие, английский язык с его тенденцией к монолингвизму противоречит мультилингвизму. Ослабление мультилингвизма уравновешивается противоположными тенденциями. Об этом пишет профессор Гентского университета Барт Дефранк в своей статье «Одни версии имеют больше равенства, чем другие: сравнительный анализ законодательных мультиактов,

производимый Судом ЕС» [7]. Автор отмечает, что право становится всё более и более «мультилингвистичным» (а документы имеют характер «мультитекстов»). Его интернациональный характер усиливается под влиянием глобализации и продвижения демократических принципов и прав человека.

Автор исследует вопрос соблюдения принципа мультилингвизма самим Судом ЕС при подготовке судебных решений. Если Суд ЕС даёт толкование актов права ЕС, то предполагается, что все государства-члены руководствуются этим толкованием, то есть толкование акта Судом ЕС касается актов на всех официальных языках всех государств-членов. Естественно предположить, что при подготовке ответов на запросы в преюдициальном порядке Суд рассматривает все версии на всех официальных языках, и что он делает сравнения по всем 28 государствам-членам. Однако в ответах Суда отсутствуют подтверждения использования Судом актов на всех официальных языках ЕС. Более того, Суд не всегда ссылается на все лингвистические версии, и перевод делается не на все языки.

Автор делает вывод, что Суд часто рассматривает версии на наиболее распространённых языках (*les «grandes langues»*, *«les langues historiques»*). Автор не нашёл ни одного дела, где Суд рассматривал бы версию на ирландском языке. В то же время автор признаёт, что учёт версий на всех официальных языках принципиально не изменил бы ответа Суда относительно толкуемого акта. «А ведь мультилингвизм и равенство всех языковых версий были возведены почти в конституционный принцип самим Судом и им же навязаны национальным судам», – делает автор вывод, отражённый в заглавии его статьи, о неоднозначном отношении Суда к официальным языкам ЕС.

В связи с указанной постановкой вопроса напрашиваются дополнительные вопросы: в последнее время всё больше учитывается взаимовлияние языков на правопорядки и наоборот, однако при подготовке своих ответов по юридическим проблемам Суд не учитывает данного положения. Вполне понятно, что это значительно затянуло бы работу Суда и потребовало бы больших затрат на перевод.

Как было показано, мультилингвизм как правовой концепт открывает новые, иногда смежные с уже выделенными, объекты регулирования, новые сферы для правовых исследований, которые могут быть объединены термином «лингвистическое право». Такое юридическое исследование должно отличаться от социологических, этнологических, этнолингвистических исследований, так как должно охватить юридические параметры регулирования.

Сравнение юридических решений проблем многоязычия в разных государствах с множественностью языков и правопорядков или в международных организациях закладывает основы

«сравнительного лингвистического права». Такие исследования были начаты профессором факультета права и политических исследований Страсбургского университета Ги Эро [8]. Он анализирует проблемы многоязычия по следующим параметрам: официальные / государственные языки; территориальность и лингвистическая правосубъектность; административная и лингвистическая стратификация; языки в сфере частного права, в отношениях с администрацией, правосудием, школой; языки и гражданство.

Пока в доктрине права Европейского союза ни *лингвистическое право*, ни *сравнительное лингвистическое право* не выделены, однако мультилингвистические факты предстают, как было показано, юридическими фактами в свете правовых проблем: языки и права человека, языки и свобода передвижения, языки и культурное разнообразие, языки и информирование потребителей, языки и занятость и, наконец, языковые права и лингвистическое право.

Появление книги Франчески Руджери и Кристины Моро в январе 2013 г. «Уголовное право, язык и Европейский Союз» [9] подтверждает правильность избранного направления исследования. Рассматриваемые в книге проблемы перекликаются с представленными в данной статье аспектами и исследованиями других авторов: правовые рамки мультилингвизма, правосудие и языки в ЕС (Joël Rideau), типология судебных разбирательств, касающихся языков в судебной практике, юридическая лингвистика и уголовный процесс в ЕС (Sylvie Monjean-Decaudin).

Принцип мультилингвизма пронизывает все вербализованные области права ЕС, где предполагаются отношения между государствами и ЕС, между ЕС и гражданами: свобода передвижения, обозначение товаров и услуг, товарные знаки, информирование потребителей,

занятость, и т.д. Гармонизация затронула не только право, но и языки, что особенно ощутимо в вопросах маркировки, наименования товаров, опубликования объявлений, в том числе о приглашении на работу в институты ЕС, процедур информирования относительно технических норм и стандартизации и т.д..

В связи с установившейся в Европе практикой мультилингвизм и плюрилингвизм взаимно дополняют друг друга. В Европе ширится осознание того, что монолингвизм английского языка не является для неё перспективным направлением. Чтобы преодолевать гегемонию и однообразие, создаваемые английским языком, мультилингвизм крайне необходим.

В исследуемой картине развития мультилингвизма прослеживается множество терминов, прямо или косвенно относящихся к этому явлению, а также показаны разные статусы языков Европы, определяемые принципами мультилингвизма. В самом общем виде мультилингвизм связан с двумя группами проблем:

– лингвистических (составления актов на 24 языках на основе соответствующих руководств [4], устного/письменного переводов документов ЕС, синхронного перевода на заседаниях, гармонизации дискурса путём составления базы данных и тезаурусов, обучения иностранным языкам и изучения дисциплин на иностранных языках, профессионального обучения);

– и нелингвистических (правовых, бюджетных, экономических, культурологических, проблем европейской идентичности, интеграции, понимания инаковости другого (*altérité*), прав человека и т.д.).

Описанные мероприятия в поддержку мультилингвизма, правовые акты и программы его осуществления свидетельствуют о том, что мультилингвизм – неотъемлемая составляющая и принцип современной жизни в Европе.

Список литературы

1. Сланевская Н.М. Языковая политика в США, Канаде, Швейцарии, Франции, Испании и Бельгии // Клио. Журнал для учёных. СПб.: Полторак, 1997, с. 96–102.
2. Résolution sur la gestion du multilinguisme au Parlement européen après l'élargissement, Résolution sur l'emploi des langues officielles dans les institutions de l'Union européenne Journal officiel nC 043 du 20/02//1995 p.0091. Résolution du Conseil du 21 novembre 2008 relative à une stratégie européenne en faveur du multilinguisme. Journal officiel n C 320 du 16/12/2008, p. 0001–0003.
3. Résolution du Conseil du 14 février 2002 sur la promotion de la diversité linguistique et de l'apprentissage des langues dans le cadre de la mise en oeuvre des objectifs de l'année européenne des langues 2001 J.O. n C /050 du 23/02/2002 p. 0001–0002; Décision n1934/2000/CE du Parlement européen et du Conseil du 17 juillet 2000 établissant l'Année européenne des langues 2001 ; Décision du Conseil du 21 novembre 1996 concernant l'adoption d'un programme pluriannuel pour promouvoir la diversité linguistique de la Communauté dans la société de l'information J.O. n L 306 du 28/11/1996 p. 0040–0048 ; Avis du Comité des régions sur la communication de la Commission au Conseil, au Parlement européen, au Comité économique et social européen et au Comité des régions. Un nouveau cadre stratégique pour le multilinguisme. J.O.. №229 от 22/09/2006 p. 0034–0037 ; Conclusions du Conseil sur l'indicateur européen des compétences linguistiques J.O. n C 172 du 25/07/2006 p. 0001–0003; Résolution sur l'emploi des langues officielles dans les institutions de l'Union européenne J.O. n C 043 du 20/02/1995 p. 0091.

4. Guide pratique commun du Parlement européen, du Conseil et de la Commission à l'intention des personnes qui contribuent à la rédaction des textes législatifs au sein des institutions communautaires. Luxembourg: Office des publications officielles des Communautés européennes. 2003, 93 p.
5. Caroline Reichling. Vocabulaire juridique multilingue comparé. Bilan sur l'étude de faisabilité. Cour de justice de l'Union européenne. Direction générale de la traduction. 30.06.2010, 99 p.
6. Vade-mecum relatif à l'usage de la langue française dans les organisations internationales. 2010, 113 p. www.francophonie.org/ .
7. Bart Defrancq. Certaines versions sont plus égales que d'autres : l'analyse comparative de multitextes législatifs effectuée par la Cour de justice de l'Union européenne. Article. Rechtsgel. mag. Themis, vol. 173, issue 6, p. 288–299.
8. Guy Héraud «Pour un droit linguistique comparé». Revue internationale de droit comparé, 1971, vol.23, N2, p. 309–330.
9. Droit pénal, langue et Union européenne : réflexions autour du procès pénal, sous la direction de Cristina Mauro et Francesca Ruggieri Edition Bruxelles: Bruylant, DL 2012, cop. 2013, 1 vol, 252 p.

Об авторе

Рекош Карина Хаджиевна – к. филол. н., доцент кафедры французского языка №1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: karinarekosh@mail.ru.

MULTILINGUALISM AS A PRINCIPLE OF THE EU COURT OF JUSTICE

K.Kh. Rekosh

Moscow State Institute of International Relation (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Since the jurisprudence reflects relations between the institutions, bodies and organizations of the EU and native speakers, the EU Court of Justice plays a huge role in shaping the legal discourse. Relations between the EU and citizens show the effectiveness of the principle of multilingualism, that is apparent before the Court. The enlargement of the Union to 28 member States and, accordingly, the increase of the number of official languages to 24 complicate the implementation of the principle of multilingualism and create many problems for the EU Court of Justice: legal, linguistic, budget, translation.*

All documents of the Court are not translated into 24 EU official languages completely and often limited to summaries. All documents are translated only into French and proceeding languages, for the scale of the translation work have a direct impact on the timing of legal proceedings. To provide help in written translations, much work is carried out in the Court on drawing up dictionaries, thesauri, where multilingualism is fully manifested.

On the use of languages and language regime, There is an extensive legal practice, however, the term «multilingualism» is not used by the Court, despite the recognition of the principle of equality of all official languages, perhaps, due to the fact that the Court itself not always follows it.

The article shows that multilingualism as a legal concept and principle opens up, sometimes adjacent to the already distinguished objects of regulation, new areas of legal research. Comparison of legal solutions to the problems of multilingualism in different states with a variety of languages, law and order, or in international organizations, lays basis of "comparative linguistic law."

Now in the doctrine of law of the European Union neither the linguistic law, nor the comparative linguistic law do not exist, but to provide cooperation in the field of justice and mutual recognition of judicial decisions on the basis of the principle of multilingualism, the EU has adopted the Directive on the right to interpretation and translation in the framework of criminal proceedings.

Key words: principle of multilingualism, official languages of the EU, national official languages, working language, language of proceedings, mother tongue, lingua franca, Globish, bruxellish, second foreign language, language of the deliberation.

References

1. Slanevskaya N.M. Yazykovaya politika v SShA, Kanade, Shveitsarii, Francii, Ispanii i Bel'ghii. [Language Policy in the United States, Canada, Switzerland, France, Spain and Belgium.] // Clio. Magazine for scientists SPb. Poltorak, 1997, pp. 96–102.
2. Resolution on the management of multilingualism in the European Parliament after enlargement, Resolution on the use of official languages in the institutions of the European Union Official Journal 043 nC 20/02 // 1995 p.0091. Council Resolution of 21 November 2008 on a European strategy for multilingualism. Official Journal C 320, 16/12/2008, p. 0001–0003.
3. Council Resolution of 14 February 2002 on the promotion of linguistic diversity and language learning in the framework of the objectives of the European Year of Languages 2001, J. O. n C /050 23/02/2002 p. 0001–0002. The decision n1934/2000/CE of European Parliament and of the Council of 17 July 2000 establishing the European Year of Languages 2001. Council Decision of 21 November 1996 adopting a multi-year program to promote the linguistic diversity of the Community in the information society J.O. n L 306 of 28/11/1996 p.0040–0048. The new strategic framework for multilingualism. JO n 229 of 22/09/2006 p.0034–0037. Council conclusions on the European indicator of language competence J.O. n C 172 of 25/07/2006 p.0001–0003. Commission Communication to the European Parliament and the Council. Resolution on the use of official languages in the EU institutions J.O. n C 043 of 20/02/1995 p. 0091.
4. Joint Practical Guide of the European Parliament, the Council and the Commission for persons involved in the drafting of legislation within the Community institutions. Luxembourg: Office des publications officielles des Communautés européennes. 2003, 93 p.
5. Reichling Carolina. Vocabulaire juridique multilingue comparé. Bilan sur l'étude de faisabilité. [Comparative multilingual legal vocabulary. Assessment of the feasibility study.] Court of justice of the EU. General Direction of translation. 30.06.2010, 99 p.
6. Vade-mecum relatif à l'usage de la langue française dans les organisations internationales. [Handbook on the use of the French language in international organizations.] 2010, 113 p. www.francophonie.org/.
7. Bart Defrancq. Certaines versions sont plus égales que d'autres : l'analyse comparative de multitextes législatifs effectuée par la Cour de justice de l'Union européenne. [Some versions are more equal than others: a comparative analysis of legislative multitexts by the Court of Justice of the European Union.] Article. Rechtsgel. mag. Themis, vol. 173, issue 6, p. 288–299.
8. Guy Héraud. «Pour un droit linguistique comparé». [«For a comparative linguistic law».] // International Journal of Comparative Law, 1971, vol.23, no. 2, p. 309–330.
9. Droit pénal, langue et Union européenne : réflexions autour du procès pénal. [Criminal law, language and the European Union: reflections on the criminal trial, under the direction of Cristina Mauro and Francesca Ruggieri.] Edition Bruxelles: Bruylant, DL 2012, cop. 2013, vol. 1, 252 p.

About the author

Karina Kh. Rekosh – PhD in philology. Associate professor of the Department of French language N1 of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: karinarekosh@mail.ru